

Фото Александра ЮОН. ЕТОБА

Никита Владимирович — на фоне окна, смотрит в кадр, улыбается и даже смеется. Н. В. (цитата): «Запомните, на 3-й секунде улыбка превращается в оскаль». Автор этих строк и фотограф в проявочной мастерской рассматривают готовые карточки, постепенно вокруг собирается маленькая толпа зевак. Юноша из толпы, показывая на сияющего Богословского: — Удачная фотография! Я бы напечатал ее очень крупно и даже сделал бы из нее что-то вроде фотообоев, повесил бы над кроватью, чтобы утром проснулся, посмотрел, и весь день — хорошее настроение! Автор этих строк: «Вот с этого и начнем!».

Мы встретились с Никитой Владимировичем во второй раз. Плод первого разговора был напечатан в «Вечерке» в рубрике «Ужин с...» полгода назад. Теперь, услышав в телефоне наши скромные имена, супруга Никиты Владимировича Алла Николаевна воскликнула: «Конечно, помню! Вы съели тогда месячный запас продуктов, и мы неделю голодали. В прошлый раз была рыба, приготовить мясо?».

Алла Николаевна большая юмористка. Наверное, она не обидится, если рядом поставит словечко «тоже».

Беседовать с Богословским — огромное удовольствие (чтобы пообщаться с Никитой Владимировичем, некоторым даже пришлось переквалифицироваться в журналистов). Он может говорить остроумно на любую тему, он бодр и весел, постоянно шутит, а временами прямо-таки начинает светиться — и выдает новую неожиданную мысль. Кроме того, у него всегда наготове парочка-другая актуальных политически-некорректных стихотворных строк, прочтению которых неизменно предшествует фраза «Это, конечно, написать нигде нельзя» как доказательство непролазшего молодого бунтарства и некоторой склонности к хулиганству.

Мы считаем Богословского гением и используем всякий шанс, чтобы еще раз убедиться в этом. Скоро — а именно 22 мая — Никите Владимировичу исполняется 85 лет, сегодня в ГЦКЗ «Россия» состоится торжество в честь этого события, на площадке звезд будет заложена звезда «Никита Богословский», к чему наш герой относится совершенно без пафоса.

Мы отказались от исторического подхода к интервью, приуроченного к знаменательной дате, потому как проследить в одном даже большом материале огромную жизнь все равно, что пересказать «Войну и мир» на шести страницах. Мы решили просто задать какие-то вопросы, уже заранее зная, что ответы будут великолепны, а в процессе нашего вопросно-ответного пинг-понга свежерожденные замечания Никиты Владимировича будут достойны включения в знаменитые «Заметки на полях шляпы». Как завитушки вьюна, они украсят этот текст, и еще долго мы будем пересказывать новые шутки, которые, без сомнения, вызовут бурю положительных эмоций у всех, даже самых тонких дегустаторов жизни.

Юбилей и юбилей

Н. В., садясь в кресло: — Откажитесь от стандартных вопросов... о творческих планах — это все... (машет рукой).

— Как вы относитесь к юбилеям?

— В последнее время у нас стало очень много юбилеев. Иногда бывают юбилей людей, фамилии которых никто никогда не слышал, и узнают об этих юбилеях только потому, что сам именинник обращается на радио, телевидение, в печать. И мне кажется, что иногда даже оплачивает эту информацию, так тоже бывает. Я думаю.

Я не знаю, может быть, какие-то мои коллеги, деятели искусства, относятся к юбилеям с восторгом, но ведь юбилей приближает кое-что малоприятное. Поэтому с каждым годом, с моей точки зрения, юбилей воспринимается все более и более сумрачно.

Между прочим, свои 80 я абсолютно прозевал. Как-то органы печати и наши творческие союзы забыли об этом сказать, о чем я сообщил, только когда понял, что мне уже 81. 85, конечно, не совсем круглый юбилей, но мы решили достаточно скромно, поскольку я не люблю пышных торжеств, отпраздновать это дело.

— А кто выступит на концерте в «России»?

Никита Владимирович достает буклетик:

— Тут написано: «лауреат государственных премий». Но любопытно, что я никогда не получил ни за что ни одной премии. Даже маленькой. Что совершенно меня не расстроило и не очень обездолило материально. Артисты будут симпатичны — Лев Лещенко, Валентина Толкунова, Леонид Серебряников, Вика Цыганова, группа «Любэ», Владимир Вишневский и другие. Все с удовольствием согласились принять участие. Некоторые артисты, которые являются моими друзьями, узнав о концерте, сами предложили выступить, им я крайне благодарен.

Меня самого иногда зовут на какие-то выступления, а я — человек ленивый, люблю валяться на диване с книжкой или газетой, у меня есть стандартная форма отказа: «Ах! Какая жалость, я как раз накануне уезжаю в Ленинград». Почему-то я именно Ленинград выбираю в данном случае, ни «в Киев», ни «в Воронеж» мне в голову не приходит сказать. Так я отбояриваюсь от неинтересных предложений. Ну а если друзья зовут — это уже обязательно. Тут дружеская поручка... Кроме того, должно открыться эту самую звезду. И вы знаете, у меня двойственное ощущение. Я удивлен, что звезды дают только артистам. Но где Дунаевский, Соловьев-Седой, Мокроусов, Френкель, Фрадкин — это же гордость страны! Некоторые арти-

сты — я не имею в виду самых знаменитых — вообще пели бы где-нибудь в кабаках или вовсе бы не пели, не будь наших замечательных композиторов. Поэтому я с чувством некоторой неловкости буду участвовать в церемонии в надежде на то, что справедливость восторжествует и моим коллегам и друзьям, нашим замечательным композиторам тоже будут открыты звезды. Кстати, забавная штука получается: здесь, на земле, — у меня звезда, а на небесах — планета моего имени!

международного класса с выдающимися педагогами. Может быть, потом поехал бы куда-нибудь совершенствоваться, но уверен, что оставался бы в своей композиторской профессии. Ведь я работал во всех жанрах, у меня есть и оперы, которые очень долго шли в театре у Покровского, восемь симфоний. Я писал и для народных инструментов, и вокальную музыку, и камерную, и квартеты. Так что за исключением так называемых массовых жанров я был бы верен всем остальным. Музыкальные тенденции про-

со слегка измененными интонациями и с новыми словами.

Гений и гении

— Ваш рейтинг гениальных людей.

Н. В. начинает деловито, видно, на этот вопрос он отвечал раз сто.

— Так! У меня несколько странные вкусы. Из композиторов мне ближе всего Моцарт и Шостакович, причем не весь Шостакович, а более ранний, это времени, когда на него все нападали. Из живописи — Пиромани, француз Руссо, знаменитый примитивист, по основной профессии — таможенный чиновник. В литературе, естественно, за исключением совершенно великих русских поэтов и писателей, это дело хрестоматийное, — Михаил Михайлович Зощенко, с которым у меня были очень хорошие отношения, Сергей Довлатов и, конечно, Аркадий Аверченко. Что касается Аверченко. Почему-то он считается юмористом, журналистом... Он настоящий русский писатель! Большого дарования, первоклассного вкуса в юморе, нигде не впадающий в пошлость.

— Никита Владимирович, я вот вижу у вас на столике «Желтую стрелу» Виктора Пелевина, которую сейчас читают все подростки.

— Я читаю всю современную литературу. У меня ведь вкусы в смысле стилистики совершенно разнообразные. Мне может нравиться Пелевин, но мне может нравиться также и Карамзин.

— Считаете ли вы себя гениальным человеком?

— Я себя считаю человеком, не лишенным способностей. Одновременно смею сказать, что в своей области я высокий профессионал. И в литературе, в специфическом ее разделе — юморе — я тоже считаю себя в какой-то степени профессионалом, поскольку у меня вышла семь книг юмора, из которых два романа. Один — про наших композиторов, другой — про наших кинематографистов. Ряд персонажей этих романов, узнав себя в книжках, перестали со мной здороваться, некоторые только холодно кивают.

Капустник в ЦДРИ. Никита Владимирович в роли Ромео. 1951 г.

Первые воспоминания

— Мне три года. Я сижу на письменном столе у моего деда — камергера двора Его Величества Михаила Федоровича Поземковского и играю маленькими разноцветными стеклышками. Позднее я узнал, что у деда были акции копеек, где добывали драгоценные камни, а это — образцы. Второе мое воспоминание тоже связано с дедом. А по характеру своему напоминает чаплинские фильмы. Сейчас поймете почему. В Новгородской губернии у нас было имение и называлось оно Березайка. Дед мой очень меня любил и во время своих государственных отпусков всегда брал с собой на рыбалку. Мне было три года, я сидел на берегу и с интересом наблюдал. И произошла очень занятная и необычная вещь — деду показалось, что клюет, он дернул удочку, и крючок попал мне в кончик носа. Я завопил, заревел, потекла кровь. И спас меня гостивший у нас в имении друг нашей семьи доктор Боткин, которого впоследствии расстреляли вместе с Николаем. Если вы присмотритесь, то вы увидите эту нащепку, которую он сделал мне на кончике носа. Вот. Осталась с тех пор.

Предположения

— Никита Владимирович, как бы сложилась ваша судьба, если бы не случилось Октябрьской революции?

— Я думаю, я все равно учился бы в Петербургской консерватории. Это всегда было учебное заведение

явились у меня с детских лет, начиная с вальса, совершенно безграмотного, наивного и глупого, который я написал в качестве подарка на день рождения Диты Утесовой и который, к моему позору, 60 лет спустя был сыгран в ЦДРИ на утесовском юбилее. Все покатывались со смеху, я покраснел, когда сказали, что автор находится в зале.

Конечно, я бы не ездил отдыхать в Дом кинематографистов в Болшево, а просто бы поехал в одно из имений — в Карповку Тамбовской губернии или в Березайку Новгородской. Такой вот расширенный ответ, но вы знаете, что выльните оттуда.

В этот момент приходит Алла Николаевна и протягивает нам два брикетика с мороженым в розовых обертках.

Н. В.: — Алла, что это такое? Памперсы для младенцев?

Популярность

— Никита Владимирович, а как вы относитесь к популярности?

— Абсолютно спокойно. Причем очень часто, сочиняя какое-то произведение, я не знаю, что оно будет популярным. Иногда напишется что-то буквально за час, за полчаса, и думаешь, что это вещь проходная, а потом выясняется, что ее запела вся страна. Иногда — наоборот: думаешь, наконец-то создал шедевр, а никто не хочет петь. Бывает, отдашь сочинение какому-то известному певцу, а он исполнит неудачно и песня, таким образом, пропадает, совесть не позволяет передать ее другому артисту. Впоследствии она может возникнуть в другом облике

Политика

— Никита Владимирович, вы интересуетесь политикой?

— Когда-то интересовался, был горячим поклонником разных политических деятелей. Сейчас я смотрю на все это дело сквозь призму иронии, потому как серьезно смотреть на это уже невозможно. Я интересуюсь своей семьей, творчеством моим и моих коллег, книгами и жизнью в области искусства, то есть всем, кроме активной политики.

— Очень хочется спросить про Сталина.

— Личного знакомства у нас не было. Я его видел на различных кремлевских приемах — издали. Тогда же к началу не очень-то подлускали. Со Сталиным у меня связана такая история. Когда была закончена вторая серия картины «Большая жизнь», ее посмотрел Сталин, фильм ему очень не понравился, и вышло знаменитое постановление ЦК «О второй серии фильма «Большая жизнь». Про музыку там было

грали, но не так, как вы думаете. Он решил, что для того, чтобы его разругать, вокруг повесили вывески на украинском языке. Я не имею к этому никакого касательства. И хочу вас предупредить, что история про то, как Михалкова привезли в ресторан «Араги», заманив просьбой написать гимн православной церкви, тоже не имеет ко мне никакого отношения.

— ...Второй розыгрыш про то, что в опасном 37-м году вы плаستيном запечатали кому-то дверь.

— Тоже вранье. Все валят на меня! В «Литературной газете» несколько лет назад я прочел такую мысль: если вы хотите розыгрышу придать характер достоверности, припишите его Бернарду Шоу или Никите Богословскому. Что было, конечно, очень лестно, но...

— А какой же ваш самый любимый розыгрыш, от авторства которого вы не отказываетесь?

— Он был довольно сложным.

Вс. Москва. - 1998. - 18 мая. - с. в.

Никита Богословский как фейерверк положительных эмоций

Свои 80 знаменитый композитор прозевал, поэтому готовится скромно отметить 85

С мамой. Имение «Березайка». 1916 г.

Был такой писатель Виталий Губарев, которому принадлежит сказка «Корольство кривых зеркал», по моему, списанная с «Зазеркалья» Льюиса Керролла. С небольшими изменениями. Виталий Губарев написал балетное либретто, предложил мне, я заключил договор с Министрством культуры, по ходу дела надо было производить какие-то поправки. В общем, он часто приходил ко мне домой и все норовил попасть к ужину. Как-то позвонил и говорит: «Я сегодня приду к тебе ужинать». Не успел я отказать, он уже повесил трубку. Меня это несколько задело, я решил, что его надо проучить. Позвонил своим друзьям драматургам Дыховичному и Слободскому. В Москве в это время были Тимошенко и Березин, Бахнов-Костюковский — в общем, веселые люди. Все они пришли ко мне вечером. До этого я заехал к нашему знаменитому диктору Юрию Левитану, который сделал мне одно одолжение.

И вот все собрались за столом и Губарев тоже. Часов в девять подговоренный мною Дыховичный набирает 5 цифр из 6, вроде звонит домой, и говорит: «Саночка, я у Никиты, не беспокойся... Что ты говоришь?! Ребята! Тише! Включите радио, передают Сталинские премии!». И вот идут премии. За музыку, за прозу, за стихи и вот за драматургию. ...Сталинские премии первой степени Лавреневу Борису Андреевичу за пьесу «Синее и белое», премии второй степени в размере 50 тысяч рублей Мдивани Георгию Давыдовичу за пьесу «Новые времена», премии третьей степени в размере 25 тысяч рублей Губареву Виталию Георгиевичу за пьесу «Павлик Морозов».

Все закричали «Браво!». Он победил в гастроном, принес шампанское, фрукты... А потом говорит: «Братцы, давайте ровно в 12 включим. Мы ведь не сначала слышали. Я хочу за друзей порадоваться». Ровно в 12 включаем — идет полный список, все как положено целиком и вот подходит... «Лавреневу Борису Андреевичу». Он так торжественно ждет. ...Мдивани Георгию Давыдовичу за пьесу «Новые времена», Губареву Виталию Георгиевичу ни хрена!.. Он поблудел, я думаю: «Сейчас инфаркт будет, какого черта я затеял все это дело». Он слабо улыбнулся и сказал: «Я знал, что это штука все...» И очень скоро ушел. А как я это сделал? Я попросил Левитана зачитать список своим голосом, а поскольку магнитофон и приемник были у меня в одном инструменте, никакой сложности с подменной записи не было. Такой сложный драматургический розыгрыш, который мне нравится, потому что в нем был точный психологический расчет.

Хорошее настроение

— Никита Владимирович, у вас всегда хорошее настроение?

— Как правило, всегда. И есть еще одна хитрость: если у меня какое-то неприятности, я думаю о том, что через две недели я буду над ними смеяться, не откладываю и смеюсь сразу. Это, конечно, не относится к серьезному горю. А к творческим и бытовым неприятностям я отношусь спокойно, поэтому в целом настроение у меня всегда хорошее.

— Никита Владимирович, под конец нашей беседы выдайте какой-нибудь секрет!

— Ну, например, такой секрет: на концерте, который будет у меня сегодня, моя жена Алла, которая, что бывает чрезвычайно редко, тоже композитор, как и я, сама с оркестром исполнит песню, посвященную мне.

— А вы уже слышали эту песню?

— Нет! Это секрет и для меня.

Ну чем не Лемешев? Москва. 1938 г.

Композитор дружил с Ивом Монтанони и Марком Бернесом. 1957 г.